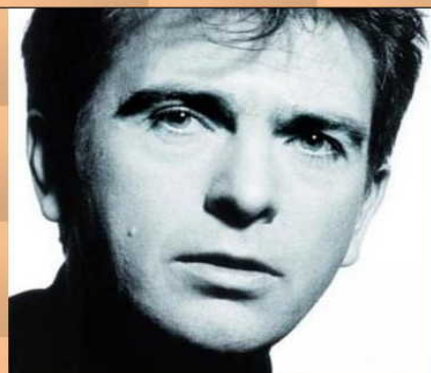
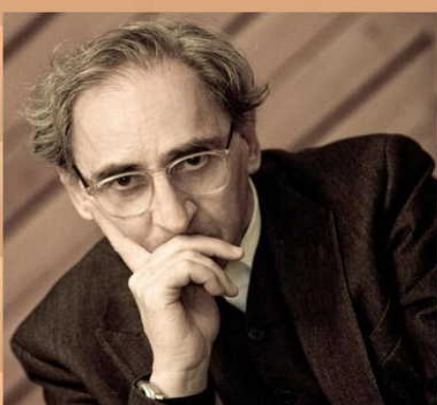
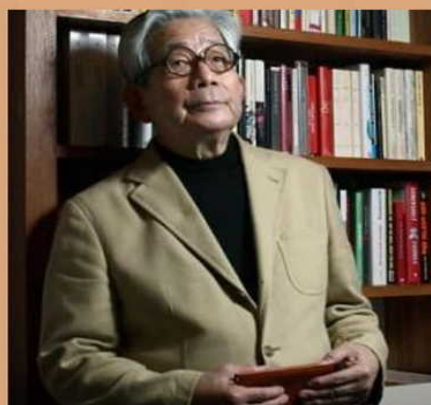

ИНТЕРВЬЮ

Короткого XX века

Встречи с главными действующими лицами
в сфере культуры, политики и искусства 20 века

МАРКО ЛУПИС

Содержание

Введение 13

Третьего не дано 13

Субкоманданте Маркос 17

Venceremos! (рано или поздно) 17

Питер Гэбриэл 23

Неугомонный дух рок-музыки 23

Клаудия Шиффер 28

Самая красивая 28

Гун Ли 36

Луна-соблазнительница 36

Ингрид Бетанкур 41

Андская мученица 41

Аун Сан Су Чжи 46

Свободная от страха 46

Лусия Пиночет 50

“Asasinar, torturar y hacer desaparecer” 50

Мирея Гарсия 57

Простить невозможно 57

Кэндзабуро Оэ 61

Тихий крик 61

Беназир Бхутто 65

Трагическая судьба женщины у власти 65

Константин – король Греции 68

Грек до мозга костей 68

Хун Сен 71

Призраки Пол Пота 71

Но Му Хён 75

Морская пехота и демократия 75

Юбер де Живанши 79

Аристократичный стиль 79

Мария Долорес Миро 84

Кулаки Хемингуэя 84

Тамара Нижинская 89

Ангел, который поссорился с Богом 89

Франко Баттиато 93

Суфист и его музыка 93

Ивано Фоссати 96

Против рок-музыки 96

Тинто Брасс 98

В райской впадине 98

Питер Гринуэй 100

Кинематограф как живопись 100

Сузо Чекки д'Амико 104

С Висконти в сердце 104

Рокко Форте 107

Властелин отелей 107

Николас Хайек 112

«Господин Swatch» 112

Роже Пейрефитт 116

Век скандалов 116

Хосе Луис де Вильялонга 119

Идеальный мужчина 119

Баронесса Кордопатри 127

Как на войне 127

Андреа Муччиоли 130

Наследник 130

Шанана Гужмау 133

Шелест независимости 133

Жозе Рамуш-Орта 137

Посвятить жизнь Восточному Тимору 137

Его Преосвященство ду Нашсименту 140

Бесстрашный епископ 140

Халида Мессаоуди 144

Приговоренная к смерти 144

Элеонора Якупи 147

Война Норы 147

Ли Куан Ю 151

Лев во время зимы 151

Кушвант Синг 157

Рушди Сикх 157

Шобха Де 160

Скандал в Мумбаи 160

Джоан Чэнь 165

Американская китаянка 165

Карлос Сауль Менем 169

Аргентинская катастрофа 169

Полин Хансон 176

«Рыжая» Полин и разъяренные белые 176

Генерал Волкогонов 180

Ленинские преступления 180

Гао Синцзянь 188

Китайская Нобелевская премия 188

Ван Дань 192

Парень с площади Тяньаньмэнь 192

Чжан Лян 195

Китайский WikiLeaks 195

Стэнли Хо 200

Король азарта 200

Палден Гятсо 204

Неправильный ответ 204

Глория Макапагал-Арройо 208

Женщина в борьбе за Филиппины 208

Кардинал Син 212

«Греховный» кардинал 212

Генерал Зяп 214

Вежливый господин 214

Адмирал Корсини 217

Пятьдесят лет займы 217

Его Преосвященство Гассис 223

Ежедневные ужасы 223

Мэнь Сунчжэнь 229

Женщина, которая «отретушировала» Мао 229

Эпилог 232

Интервью «наоборот» 232

Благодарность 237

Введение

Третьего не дано

Стояла миланская осень того далекого октября 1976 года, и я быстрым шагом шел по улице Корсо Венеция в направлении театра Сан-Бабила. Я спешил на самое первое интервью в моей жизни.

Мне было шестнадцать лет, вместе с моим другом Альберто мы вели информационную программу, с совсем неоригинальным названием « Spazio giovani » [\[1\]](#), на одном из первых частных итальянских радио « Radio Milano Libera ».

Это были по-настоящему страшные годы: могло произойти - и происходило - что угодно. Прекрасные годы. Ужасные годы. В Италии их называют «свинцовые семидесятые» - годы молодежных протестов, самоуправляемых организаций, школьных забастовок, демонстраций, которые почти всегда перерастали в насилие. Годы необузданного энтузиазма, переполненные культурным волнением умов, грозящим вот-вот взорваться - настолько оно было живое, захватывающее, всеобъемлющее. Годы столкновений и годы жертв: с одной стороны - левая молодежь, с другой - правая. Тогда все было гораздо проще, чем сейчас: или ты за одних, или за других. Третьего не дано .

Но самое главное - это были годы, когда каждому из нас казалось, - и зачастую не зря, - что мы можем изменить ход событий. Что мы способны, каждый по-своему, изменить хоть что-то .

В этом маразматическом возбуждении, среди культуры и насилия, нам было спокойно. Мы оставались в поле зрения. Покушения, бомбы, Красные бригады были неизменным фоном нашего отрочества, или молодости, в зависимости от возраста, но в общей сложности особенно нас не расстраивали. Мы быстро научились уживаться со всем этим, как, я заметил это в последующие годы, без особых отличий уживаются и народы, находящиеся в эпицентре конфликтов или гражданских войн. Их жизнь подстраивается под экстремальные условия, как и наша в те годы.

Мы с Альберто хотели именно изменить что-то, и поэтому, вооружившись безграничным энтузиазмом и колоссальной

бессознательностью, пребывая в том возрасте, в котором сейчас подростки проводят время выставляя селфи в Инстаграм и меняя смартфоны, мы читали всё, что попадалось нам под руку, принимали участие в музыкальных фестивалях, концертах и кинофорумах в тот самый волшебный период, когда только зарождалась и начинала распространяться рок-музыка.

Встреча была назначена на 16.00, за час до начала послеполуденного спектакля. Нас проводили в подвальное театральное помещение, в гримерную нашего героя. Там нас ожидал он, первый человек в моей карьере, у которого я взял интервью: Пеппино Де Филиппо.

Я не помню деталей того интервью, и, к сожалению, пленки с записями выпусков нашей программы затерялись во время одного из моих множественных переездов.

Но до сих пор отчетливо помню тот электрический разряд энергии, который предшествует, – как я понял не раз впоследствии, – важному интервью. Точнее, важной встрече, ведь каждое интервью – это нечто большее, чем просто череда вопросов и ответов.

Пеппино Де Филиппо доживал последние годы своей театральной и кинематографической карьеры, которая уже вошла в анналы истории – через несколько лет он скончался. Он встретил нас сидя у зеркала, не отрываясь от гримировки. Пеппино был вежлив, любезен и открыт, делал вид, что нисколько не удивлен двум прыщавым мальчишкам. Я помню его спокойные, размеренные движения во время нанесения театрального грима, который казался мне таким тяжелым, густым и слишком светлым. Но

особенно я запомнил одну деталь: глубокую грусть в его глазах. Грусть, которая поразила меня, настолько ясно я ее уловил. Возможно, он чувствовал, что его жизнь подходит к концу, или это было лишь доказательством того, что обычно говорят о комиках: смеши других, сами они остаются самыми грустными людьми на свете.

Мы говорили о театре и, разумеется, о его брате Эдуардо. Пеппино рассказал, что он появился на свет на сцене, во время одного из постоянных разъездов семейной труппы.

Мы ушли час спустя, испытывая легкое потрясение, но с заполненной кассетой диктофона.

Это было не просто первое интервью в моей жизни. Это был тот самый момент, когда я понял, что карьера журналиста – единственно возможный для меня путь. В тот миг я впервые ощутил ту странную химию, тонкую магическую связь, образующуюся между интервьюируемым и журналистом.

Интервью может оказаться или математической формулой правды, или бесполезным и тщеславным выступлением. Оно становится мощным оружием в руках журналиста, который стоит перед выбором: удовлетворить интервьюируемого или сделать всё возможное, чтобы вызвать интерес у читателя.

Для меня же интервью – это нечто большее: это психологическое сопоставление, сеанс психоанализа, в котором участвуют оба – и герой, и журналист.

Как сказал мне впоследствии один из героев этой книги, Маркиз Вильялонга: «Весь секрет заключается в том состоянии благоволения, которое зарождается, когда журналист перестает

быть таковым и становится другом, которому можно доверить всё. Даже то, о чем нельзя рассказать журналисту».

Интервью является ярким примером майевтики, метода Сократа, способностью журналиста извлечь из героя самые откровенные мысли, заставить его утратить бдительность, удивить его во время рассказа без фильтров. Не всегда это особенное волшебство происходит. Но когда оно случается, получается отличное интервью. Нечто большее, чем стерильный обмен словами, нечто совершенно отличное от ненужного тщеславия журналиста, целью которого является лишь создание сенсации .

За более чем тридцать лет своей журналистской деятельности я повстречал множество знаменитостей, глав государств, премьер-министров, религиозных лидеров и политиков. Должен признать, что не с ними у меня установился настоящий контакт.

Из-за моего происхождения и образования я должен был принимать их сторону: сторону тех женщин и мужчин, обличенных властью – властью решать судьбы миллионов людей, решать, кому жить, а кому умирать. Иногда от них зависело будущее целых народов.

Но этого не произошло. Сочувствие, волнение и возбуждение я пережил во время встреч с мятежниками, борцами, с теми, кто готов был пожертвовать своей жизнью, часто спокойной и безбедной, своими идеалами, и кто доказал это делом.

Предводитель революционеров в балаклаве, встреченный мною в хижине посреди мексиканских джунглей, отважная мать, которая с достоинством, но непреклонно пыталась вызнать правду об

*ужасной кончине своих пропавших без вести детей в Чили времен
Пиночета.*

Именно они стали для меня истинными сильными мира сего.

Гроттерия, август 2017 года

Интервью, собранные в этой книге, были опубликованы в период с 1993 по 2006 год в изданиях, где я много лет проработал специальным корреспондентом, главным образом из стран Латинской Америки и Дальнего Востока: в еженедельниках « Panorama » и « L ' Espresso », ежедневных газетах « Il Tempo », « Il Corriere della Sera » и « La Repubblica », а также на телекомпании « RAI » .

Я специально сохранил оригинальную форму интервью – так, как они были записаны в своё время: иногда в традиционной форме вопрос – ответ, иногда в более разговорном стиле, с использованием кавычек.

Я решил начать отдельные интервью с предисловия, которое поможет читателю лучше понять, где и когда они состоялись.

Субкоманданте Маркос

Venceremos ! [\[2\]](#) (рано или поздно)

Чьяпас, Мексика, Сан-Кристоваль-де-Лас-Касас, « *Hotel Flamboyant* ». Под дверь моего номера просунули записку:

Выезжаем в Сельву уже сегодня.

Встреча у стойки регистрации в 19.00.

*Возьми с собой горные ботинки, одеяло,
рюкзак и консервы.*

У меня лишь полчаса, чтобы собрать эти несколько вещей. Пункт назначения – в самом сердце джунглей, на границе между Мексикой и Гватемалой, где начинаются Лакандонские джунгли, одно из немногих совершенно неисследованных мест на земле. На тот момент существует лишь один необычный «туроператор», который способен доставить меня туда. Он просит называть себя Субкоманданте Маркосом, и Лакандонские джунгли – его последнее убежище.

За все годы моей карьеры я, наверное, до сих пор больше всего горжусь именно этой беседой с Субкоманданте Маркосом в Лакандонских джунглях, в Чьяпас, в апреле 1995 года для еженедельника «*Sette*» издания «*Corriere della Sera*». Я стал первым итальянским журналистом, взявшим интервью у легендарного Субкоманданте, в его неизменной чёрной балаклаве – по крайней мере, задолго до того, как в последующие годы он организовал нечто вроде настоящего «военного пресс-бюро», которое обеспечивало доставку журналистов со всех концов света в его укрытие в джунглях.

Прошло почти две недели с того дня, когда в конце марта 1995 года самолет из Мехико приземлился в военном аэропорту Тустла-Гутьеррес, в столице Чьяпас. На полосе гудели самолеты под знаменем мексиканской армии, военные машины угрожающе стояли вдоль обочин. На территории, равной по размерам трети Италии, проживало три миллиона человек, и у большей части в

венах текла индейская кровь – двести пятьдесят тысяч прямых потомков Майя.

Я находился в одном из самых бедных мест на земле: у 90% индейцев не было питьевой воды. Шестьдесят три человека из ста были неграмотными.

Мне всё казалось понятным: с одной стороны были белые землевладельцы, их было мало, и они были очень богаты. С другой – *кампесинос*, крестьяне: их было много, и они получали в среднем семь песо – меньше десяти долларов – в день.

Надежда восстания проснулась в этих людях первого января 1994 года. Пока Мексика подписывала договор о свободной торговле с Соединенными Штатами и Канадой, революционер в балаклаве объявлял войну стране: верхом, вооруженные винтовками (лишь некоторые из которых были настоящими, а не поддельными, из дерева), две тысячи солдат Сапатистской армии национального освобождения пытались захватить Сан-Кристовальде-Лас-Касас, древнюю столицу Чьяпас. Их лозунгом стало: «Землю и свободу».

Всем известно, чем закончился первый, решающий, раунд: в нем победили пятьдесят тысяч солдат, присланных на бронев автомобилях для подавления восстания. А Маркос? Что произошло с человеком, которому удалось каким-то образом возродить легенду об Эмилиано Сапате, герое мексиканской революции 1910 года?

19.00. « Hotel Flamboyant »: наш связной пунктуален. Его зовут Антонио, мексиканский журналист, который в Сельве бывал не раз, а десять-двадцать. Конечно, сейчас всё иначе, чем год назад, когда Маркос относительно спокойно жил со своей семьей в маленьком городке Гваделупе Тепейак, у самого подножья джунглей, вооруженный телефоном, компьютером, подключением к Интернету и готовый принимать корреспондентов американского телевидения. Сейчас ситуация индейцев не изменилась, но в жизни Маркоса и его людей поменялось всё: после последнего наступления правительства главарям-сапатистам пришлось прятаться в горах. Там, где нет ни телефонов, ни электричества, ни дорог – ничего.

Колективо (так называют здесь эти странные микроавтобусы-такси) быстро несется в ночи по узким и крутым поворотам. Внутри пахнет потом и сырой тканью. Чтобы добраться до Окосинго, поселения у самых джунглей, требуется два часа. Улицы переполнены длинноволосыми брюнетками с индейскими чертами лица, они смеются. Вокруг множество военных, они везде. В номерах единственного отеля нет окон, только решетка на двери. Я чувствую себя как в тюрьме. По радио передают: «Сегодня отец Маркоса заявил: Мой сын, университетский профессор Рафаэль Себастьян Гильен Висенте, 38 лет, родом из Тампико, и есть Субкоманданте Маркос».

На другое утро у нас новый проводник. Его зовут Порфирио. Он тоже индеец.

На джипе до Лакандона, самой последней деревушки – почти семь часов по ямам и пыли. Там заканчивается грунтовая дорога и

начинаются джунгли. Дождя нет, но грязь всё равно достаёт до колен. По дороге ночуем в хижинах, в самой чаще. После двух дней быстрой, утомляющей ходьбы сквозь неприветливые джунгли, задыхаясь от сырости, мы прибываем в деревушку. Место называется Джардин, мы находимся в зоне Монтес-Азулес. Здесь проживает почти двести человек. Старики, дети и женщины. Все мужчины на войне. Нас встречают хорошо. Мало кто говорит по-испански. Все говорят на цельтали, диалекте майя. «Мы увидим Маркоса?» - спрашиваем мы. «Возможно», - отвечает Порфирио.

В три часа утра нас осторожно будят: пора идти. Ночь безлунна, но звезды освещают наш путь. До шалаша - полчаса ходу. По теням мы догадываемся, что внутри находятся трое мужчин. Царит полная темнота, черная как их балаклавы. По описанию, выданному государством, Маркос является профессором с высшим философским образованием, дипломной работой по Альтюссеру и специализацией, полученной в Сорбонне. Вдруг, прерывая тишину шалаша, до нас доносится речь на французском: «У нас всего двадцать минут. Мне проще говорить по-испански, если это не проблема. Я Субкоманданте Маркос. Советую не пользоваться диктофоном, если запись засекут, это станет проблемой для всех, в первую очередь - для вас. Хотя пока у нас перемирие, на самом деле меня ищут всеми возможными способами. Спрашивайте всё, что хотите».

Почему вы настаиваете, чтобы вас называли Субкоманданте?

Обо мне говорят: «Маркос – глава». Это неправда. Главы – это они, народ сапатистов, я просто отвечаю за военную сторону дела. Они уполномочили меня говорить лишь потому, что я знаю испанский. Моим голосом говорят мои товарищи. Я только подчиняюсь.

Десять лет секретности – это много... Как вам удается выживать в горах?

Я читаю. Из двенадцати книг, которые я привез с собой в джунгли, одна – «Всеобщая песнь» Пабло Неруды. Вторая – Дон Кихот...

А потом?

Потом дни, годы проходят в борьбе. Каждый день мы видим все ту же бедность, все ту же несправедливость... Когда ты здесь, желание бороться, жажда перемен лишь возрастает. Если только ты не циник или не сукин сын. Есть вопросы, которые журналисты обычно не задают. О том, что нам, здесь, в джунглях, приходится есть мышей, пить мочу товарищей, чтобы не умереть от жажды во время долгих перемещений... вот и всё.

Чего вам больше всего не хватает? Что вы оставили дома?

Мне не хватает сахара. И пары сухих носков. Врагу не пожелаю быть постоянно с мокрыми ногами, днём и ночью, в холоде. И сахар – это единственное, чего нет в джунглях, его надо привозить издалека, он необходим для поддержания физического тонуса. Для тех из нас, кто родом из города, некоторые воспоминания

становятся чем-то вроде мазохизма. Мы повторяем: «Помнишь мороженое в « Coyoac à n »? А такос в « Division del Norte »?». Воспоминания. Здесь, если удастся поймать фазана или другое животное, надо ждать часа три-четыре, пока он приготовится. А если отряд теряет голову от голода и ест его сырым, днем позже всем грозит диарея. Здесь другая жизнь, всё видится в другом свете... Ах да, вы спросили меня, что я оставил дома. Билет на метро, горы книг, тетрадь полную стихотворений... и несколько друзей. Немногих.

Когда вы откроете свое лицо?

Не знаю. Я уверен, что у нашей балаклавы есть позитивное идеологическое значение, соответствующее представлению о нашей революции – она не индивидуальна, у нее нет руководителя. В балаклаве мы все Маркосы.

По словам правительства вы прячете свое лицо потому, что вам есть, что скрывать ...

Они ничего не поняли. Но настоящей проблемой является даже не правительство, а скорее реакционные силы Чьяпас, местные скотоводы и землевладельцы, со своими частными белыми гвардиями. Я не верю, что существует настолько большая разница между традиционным расистским отношением белокожего из Южной Африки к чернокожему и землевладельца из Чьяпас к индейцу. Здесь продолжительность жизни индейца достигает 50-60 лет у мужчин и 45-50 лет у женщин.

А дети?

Детская смертность очень высока. Сейчас я расскажу вам историю Патичи. Когда-то, несколько лет назад, когда мы перебирались из одной зоны джунглей в другую, наш путь лежал через маленькую деревушку, очень бедную, где нас всегда встречал товарищ-сапатист с девочкой трех-четырёх лет на руках. Ее звали Патриция, но она свое имя произносила как «Патича». Я спрашивал, кем она хочет стать, когда вырастет, и она всегда отвечала: «Партизанкой». Однажды, когда мы приехали, у нее была высокая температура. Антибиотиков у нас не было, а лихорадка у нее была под сорок или больше градусов. Мокрая одежда высыхала на ней как на печке. Она умерла у меня на руках. У Патриции не было свидетельства о рождении – и смерть ее тоже не была зарегистрирована. Для Мексики ни ее самой, ни ее смерти никогда не существовало. Вот это и есть реальная жизнь индейцев в Чьяпас.

Сапатистская армия поставила в затруднительное положение всю мексиканскую политическую систему, но так и не победила.

Мексике нужны демократия и люди, стоящие выше партий, способные ее гарантировать. Если наша борьба поможет достичь этой цели, она будет ненеправдой. Сапатистская армия никогда не станет политической партией. Она исчезнет. И в тот день, когда это произойдет, у нас наступит демократия.

А если этого не произойдет?

Мы окружены военными. Правда заключается в том, что государство не захочет сдаться потому, что Чьяпас, и Лакандонские джунгли в особенности, буквально купаются в нефти. И нефть Чьяпас – это гарантия, которую Мексиканское государство предоставило Соединенным Штатам в обмен на миллиарды долларов, взятые в долг у США. Нельзя допустить, чтобы американцы поняли, что ситуация вышла из-под контроля.

А вы?

Нам нечего терять. Наша борьба – это борьба за выживание и за заслуженный мир.

Мы сражаемся за правое дело.

You've Just Finished your Free Sample

Enjoyed the preview?

Buy: <http://www.ebooks2go.com>